

Бауэр Татьяна Владимировна

**Представления и практики, связанные с воровством
в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам
середины XIX — начала XX в.)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2019

Работа выполнена в Отделе этнографии восточных славян и народов европейской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

Научный руководитель	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, профессор факультета антропологии АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге» Байбурин Альберт Кашфуллович
Официальные оппоненты	доктор исторических наук, профессор кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Бочаров Виктор Владимирович кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея Баранов Дмитрий Александрович
Ведущая организация	Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Защита состоится 14 октября 2019 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте <http://www.kunstkamera.ru>.

Автореферат разослан

2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М. Е. Резван

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Кража является одним из преступлений против собственности, предполагающим ее тайное изъятие и присвоение, и в силу нарушения норм регламентированного обмена представляет собой один из типов конфликтного взаимодействия. Именно по причине своей нелегитимности воровство оказалось в центре внимания юридической, социологической и психолого-педагогической наук, рассматривающих его, прежде всего, в качестве проблемы, требующей постоянного государственного и общественного контроля и разработки способов ее решения.

При этом оказались исключенными из области исследования другие, не менее важные и интересные аспекты воровства. Иной взгляд на этот феномен можно предложить в рамках этнографии, где воровство до сих пор остается явлением недостаточно изученным. Подобное невнимание может показаться странным, учитывая неослабевающий общественный интерес к проблеме воровства в России, рассматриваемого как один из основных и неискоренимых пороков русского общества. Это обстоятельство во многом определяет актуальность предпринятого исследования. Свою роль в том, что воровство не стало предметом этнографических исследований, сыграл наблюдавшийся долгое время в рамках этой научной дисциплины дисбаланс между изучением мифоритуальных и бытовых, повседневных аспектов культуры.

Кроме того, такое отношение к потенциальному предмету исследования во многом обусловлено его негативной оценочностью, в силу чего словосочетание «воровство в культуре» без учета всей совокупности контекстов, связанных с этим феноменом в крестьянской традиции, воспринимается как оксюморон: «воровство» и «культура» оказываются на противоположных полюсах аксиологической шкалы. И юридические, и морально-этические, и религиозные нормы в их официальном варианте указывают на недопустимость воровства. Однако не следует забывать, что подобная реакция отнюдь не всегда характерна для крестьянской культуры и, в частности, для фольклорного сознания, которые демонстрируют большую гибкость в этом отношении, поэтому уже изначально такая реакция существенно сужает предполагаемый предмет исследования.

Предметом исследования являются представления и практики, связанные с феноменом воровства в крестьянской культуре. Однако при рассмотрении воровства как систематического хищения чужой собственности оказалось невозможным исключить из сферы исследовательского внимания кражу как единичный акт социального взаимодействия, поскольку общие представления о воровстве особым образом преломляются при восприятии

конкретного факта хищения. Данная работа предполагает обращение к бытовой краже, оставляя за рамками исследования игровое и ритуальное воровство, хотя их существование в крестьянской культуре учитывается нами в контексте восприятия воровства.

При категоризации воровства уместным представляется подход Т. В. Шатковской к трактовке понятия преступления в обычном праве, согласно которому невозможно дать формально-абстрактное определение преступления: «...преступно не то, что определено, а то, что вызывает негативную реакцию и оценку со стороны коллектива. Отсюда двойственность отношения к внешне одинаковым проявлениям девиантного поведения»¹. То же самое наблюдается и в отношении воровства как одного из видов преступлений.

Объектом исследования выступает сельская община в пореформенный период и, в частности, крестьянство как отдельная и достаточно замкнутая сословная группа, являющаяся носителем интересующих нас обычно-правовых представлений, реализующихся в правоприменительной практике. В фокусе исследовательского внимания оказываются представления и практики преимущественно русских крестьян, однако чтобы дополнить картину и провести некоторые параллели, привлекаются белорусские и украинские материалы.

Хронологические и территориальные рамки работы определяются наличием репрезентативных материалов, посвященных интересующей нас проблематике. Именно вторая половина XIX— начало XX в. характеризуются ростом исследовательского интереса к обычному праву. При этом пореформенный период представляет особый интерес, потому что крестьянская эмансипация не могла не повлиять на народное правосознание, в том числе и на отношение крестьян к вопросам собственности, что отражается на динамике роста имущественных преступлений. В работе привлекаются материалы по различным губерниям Российской империи, что является оправданным, так как позволяет проследить некоторые общие тенденции, связанные с отношением к собственности и восприятием воровства на всей территории страны.

Основной целью исследования является реконструкция представлений, лежащих в основе отношения к воровству в деревенских сообществах, и выявление влияния данных представлений на восприятие хищений в рамках обычно-правовой системы и на действие обычно-правовых механизмов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

¹ Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — XX начала века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 20, 46.

- 1) определить корпус текстов, релевантных для описания феномена воровства в крестьянской культуре второй половины XIX— начала XX в.;
- 2) рассмотреть основные характеристики понятия «преступление» в крестьянском правосознании и выявить круг значений, связанных с концептуализацией кражи;
- 3) рассмотреть влияние категорий греха и позора на представления о воровстве;
- 4) выявить основные характеристики, позволяющие описать образ вора в ряду других мифологических персонажей, и рассмотреть комплексы магических средств, применяемых преступниками и жертвами воровства;
- 5) определить факторы, влияющие на отношение к краже и строгость наказания в рамках обычно-правовой системы;
- 6) выявить влияние воровства на другие типы социального взаимодействия как на уровне семьи, так и на уровне общины;
- 7) рассмотреть основные виды бытовой кражи и выявить хищения, не соотносимые в рамках обычно-правовой традиции с категорией воровства;
- 8) рассмотреть некоторые специфические черты отдельных наказаний в зависимости от вида хищения и характеристик похитителя.

Степень изученности темы. Несмотря на общественную значимость проблемы воровства, тема кражи не рассматривается во второй половине XIX в. в специальных работах, однако ее изучение включается в более широкий контекст. Дореволюционные этнографы и юристы уделяли внимание таким аспектам, как специфика народных представлений о собственности и ее хищении, причины распространенности воровства, система доказательств и налагаемых судами наказаний и т. п. Кроме того, они дискутировали по поводу распространенности обычая примирения в делах о воровстве, пытались разработать классификацию краж, описывали магические способы идентификации и наказания вора, анализировали взаимоотношения вдового вора и деревенского сообщества (исследования С. В. Максимова, П. Березанского, М. В. Духовского, Е. И. Якушкина, В. В. Тенишева и др.). Особое внимание исследователи уделяли такому виду воровства, как конокрадство, в частности, его распространенности, организации конокрадческого промысла, отношению к данному преступлению крестьян и мерам борьбы с ним (работы Л. Весина, В. Трирогова, Ф. Щербины и др.).

Из исследований советского периода необходимо выделить работу Р. Я. Внукова «Противоречия старой крестьянской семьи», в которой большое внимание уделяется хищениям в семье как одной из причин крестьянских разделов, и подробно рассматривается проблема зависимости целей хищений от внутрисемейных связей.

В качестве самостоятельного объекта исследования бытовая кража фигурирует в немногочисленных работах конца XX — начала XXI в. Это, в частности, статья А. Л. Рогачевского, опубликованная в журнале «Юридическая мысль» в 2003 г., в которой автор приводит факторы, влиявшие на представления о собственности и ответственности за посягательства на нее в переломную пореформенную эпоху; рассматривает случаи ритуального, бытового и квалифицированного воровства, а также способы наказаний за кражу.

Необходимо отметить также статью А. Н. Мануйлова, опубликованную в 1998 г. в журнале «Голос минувшего», в которой автор акцентирует внимание на ценностных доминантах казачьей общности, оказывающих влияние на отношение к краже, и отмечает типологическую близость некоторых наказаний окказиональным ритуалам. Некоторые ритуальные черты позорящих наказаний выявлены А. Н. Кушковой; кроме того, значительное внимание автор уделила социальному контексту деревенского воровства. Отдельные моменты, связанные с особенностями крестьянского судопроизводства, общими тенденциями в области применения наказаний за воровство в пореформенный период, выявлением факторов, влияющих на отношение крестьян к краже, затрагиваются в работах В. Б. Безгина. Отметим, что появляются также исследования, посвященные представлениям о воровстве в других этнических традициях (статьи Д. В. Егорова, К. Д. Никольской, а также упомянутые ниже лингвистические работы).

Различные аспекты, связанные с интересующим нас феноменом, рассматриваются в монографии американского историка С. Фрэнка «Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856 – 1914». Так, отдельные параграфы посвящены воровству и экономике преступлений против собственности; в контексте организованной преступности рассматривается конокрадство. Данному преступлению посвящены также статьи Ч. Н. Ахмедова и К. Воробец.

Особый интерес представляют исследования, в которых сопоставляются концепты воровства и колдовства. Так, О. Б. Христофорова в своей монографии «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России» отмечает связь этих концептов на разных уровнях, сравнивает образы вора и колдуна и рассматривает некоторые магические практики, используемые жертвами краж. Сравнительному анализу образов колдуна, вора и разбойника на

материалах фольклорных текстов посвящена статья Н. Е. Мазаловой. Мысль о том, что воровство можно рассматривать как один из видов особого знания и магического ремесла, содержится в статье С. М. Толстой, опубликованной в словаре «Славянские древности», но в большей степени эта работа, как и статья болгарского исследователя Л. Микова, посвящена рассмотрению феномена ритуальной кражи.

Из филологических работ необходимо отметить посвященную бытовым сказкам монографию Ю. И. Юдина, в одной из глав которой проанализированы сюжеты о хитроумном и ловком воре. О возрастающем интересе к концепту воровства свидетельствует и ряд лингвистических работ (исследования О. А. Кирияк, О. В. Павловой, М. Н. Поповой, Г. М. Шипицыной). Ценность этих исследований заключается в том, что воровство в них рассматривается как феномен культуры, для анализа которого привлекаются лексические и фольклорные материалы, ярко отражающие национальную специфику концепта.

Теоретико-методологические основания работы. Комплексное изучение интересующего нас феномена предполагает, что в основу исследования должен быть положен принцип междисциплинарности.

Основным научным направлением, в рамках которого осуществляется исследование, является антропология права. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов по теории и истории права М. М. Ковалевского, М. Косвена, Н. Рулана, В. С. Нерсесянца, В. А. Тишкова, А. И. Ковлера, В. В. Бочарова, Т. В. Шатковской, Б. Малиновского, М. Глакмана, Л. Поспишила, Дж. Гриффитса, С. Мерри, Дж. Донована, С. Мур, Л. Надер, О. Чейза, Л. Розена и др.

Ценность данного подхода при исследовании феномена воровства в крестьянской культуре определяется широкой трактовкой понятия обычного права как правовой практики, опирающейся на обычай и не санкционированной официальным законодательством. В рамках антропологии права особое внимание уделяется проблемам правосознания и идеям правового плюрализма, позволяющим показать сосуществование, причем нередко конфликтное, законодательных норм и обычно-правовых воззрений, касающихся воровства. Важной при исследовании интересующего нас феномена является одна из основных методологических установок антропологии права, предполагающая ориентацию на исследование культуры, неотъемлемой частью которой считается культура правовая. В рамках данного подхода делается акцент на изучение устного права, что предусматривает обращение к разнообразным источникам, среди которых значительное место занимают этнографические описания и

фольклор. Обращение к этим источникам позволит продемонстрировать специфику восприятия воровства в крестьянской культуре.

Особый интерес для нашей работы в методологическом отношении представляют исследования, в которых затрагиваются проблемы изучения правового сознания, а также осуществляются попытки реконструкции обычно-правовых представлений российских крестьян, в том числе и таких аспектов, как представления о преступлении и наказании в крестьянской среде (работы Т. И. Селиной, Я. В. Чеснова, К. Л. Банникова, Т. В. Шатковской, М. Конфино, М. Перри, К. Фриерсон).

Вслед за К. Л. Комаровым, С. Робертсом и др., мы считаем методологически неоправданным противопоставление нормативной и процессуальной парадигм, полагая, что норма и процедура в праве неразрывно связаны, причем правовые представления тесно переплетаются с религиозно-этическими и мифологическими.

Феномен воровства в работе предполагается рассматривать в общем контексте теории обмена (исследования Б. Малиновского, М. Салинза и др.). Причем более уместным в нашем случае представляется подход таких исследователей, как Р. Сифорд и А. Гоулднер, рассматривающих негативную взаимность как ответ злом на зло, ущербом на ущерб и подчеркивающих ее связь с категорией возмездия.

При категоризации понятия воровства мы использовали концепцию социального конструктивизма, разработанную П. Бергером и Т. Лукманом. Определяя объект исследования, мы исходили из понимания сельской общности как социальной системы, состоящей из взаимосвязанных элементов, которые выполняют определенные функции, и заинтересованной в сохранении социального равновесия (труды А. Рэдклиффа-Брауна, Т. Парсонса, Р. Мертона).

В рамках диссертации использованы метод исторической реконструкции и дескриптивный метод, позволившие на основе используемых в работе разнообразных источников воссоздать целостное представление о предмете исследования. Весьма эффективным оказалось применение семиотического подхода. В работе использовались также элементы этнолингвистического подхода, получившего развитие благодаря трудам Н. И. Толстого и его школы.

Источниковая база исследования включает архивные материалы (документы из коллекции С. М. Пономарева, хранящиеся в архиве Русского Географического общества, и материалы созданного В. Н. Тенишевым «Этнографического бюро» из архива Российского этнографического музея, в том числе и опубликованные); законодательные акты; публикации в

периодической печати; фольклорные тексты различной жанровой принадлежности; мемуары и записки должностных лиц, таких как мировой судья, провинциальный адвокат, волостной писарь; материалы «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов»; церковно-популярную и художественную литературу, а также современные экспедиционные материалы.

Научная новизна исследования. Диссертационная работа восполняет лакуну в этнографическом изучении феномена воровства. Ценность и новизна предложенного в работе антропологически ориентированного междисциплинарного подхода заключается в том, что для лучшего понимания сущностных и аксиологических аспектов воровства оно рассматривается не только как феномен обычного права, но и как феномен крестьянской культуры в целом. Впервые особое внимание уделяется осмыслению феномена воровства в контексте крестьянских мифологических и религиозно-этических представлений.

В научный оборот вводятся некоторые ранее неопубликованные архивные материалы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Круг значений, связанных с концептуализацией кражи, достаточно широк. Кража в крестьянской культуре считалась несчастьем, личной обидой, разновидностью магического ремесла, ассоциировалась с категориями греха и позора. Эти представления во многом определяли действие обычно-правовых механизмов.

2. Чрезвычайно актуальными были и остаются представления о тотальной распространенности данного преступления, обусловленные более широким архаическим значением слова «воровство», охватывающим самые разнообразные девиации, и присущим крестьянскому правосознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности», усиливающимся в контексте пореформенной эпохи, болезненно переживаемой большинством населения страны.

3. Судя по некоторым фольклорным сюжетам, в зависимости от разных обстоятельств воровство может быть как греховным, так и абсолютно безгрешным и даже праведным деянием, что является одним из свидетельств размытости ценностных установок в крестьянской культуре. Однако в отвлечении от конкретики воровство как вмешательство в сферу деятельности Бога – деяние греховное, а в силу этого бесполезное, невыгодное и опасное для вора. Жертва воровства также отмечена печатью греха, поскольку кража рассматривается как своего рода наказание за проступок или преступление, ранее совершенное пострадавшим от нее.

4. Феномен воровства в крестьянской культуре чрезвычайно подвержен мифологизации. Мифологизируется не только сама кража и масштабы распространенности данного преступления, но и образ профессионального вора, фигуру которого можно рассматривать в ряду персонажей, обладающих сверхъестественными способностями. Широкое применение магических средств, направленных на защиту от воров, их нейтрализацию и поимку, а также распознавание, наказание и возвращение украденного, во многом обусловлено представлениями о воровстве как об одном из видов магического ремесла.

5. Основными факторами, влияющими на отношение к хищению, являются место, время, способ и цель совершения хищения, ценность похищенного и особое отношение к объекту кражи, разнообразные характеристики похитителя и жертвы и взаимоотношения участников конфликтного взаимодействия. Спецификой обычного права является, с одной стороны, существование в обычно-правовой системе особых видов кражи, не характерных для официального законодательства, а с другой – исключение целого ряда тайных хищений собственности из категории воровства. Кроме того, к особенностям обычного права можно отнести расхождение с официальным законодательством в оценке того или иного вида кражи, факультативный учет обстоятельств совершения кражи, следование принципу правового субъективизма и существование локальных вариантов обычного права.

6. Важнейшим параметром разграничения хищений в обычно-правовой традиции являются взаимоотношения между участниками конфликтного взаимодействия, в связи с чем представляется возможным выделение семейных, соседских и междеревенских хищений, различающихся по отношению к ним со стороны деревенского сообщества и способам разрешения конфликта. При этом особый отпечаток на восприятие семейных хищений оказывало существование в крестьянской культуре категории семейной собственности.

7. Воровство в крестьянской культуре воспринималось как позорное деяние, совершение которого оказывало влияние на индивидуальную и групповую репутацию, определявшую разнообразные практики деревенского взаимодействия. Преступник, опозоривший общину, мог рассчитывать на эквивалентную преступлению ответную реакцию, поскольку в обычно-правовом арсенале был целый ряд наказаний, соотносившихся с категорией позора. При этом как эффективный инструмент воздействия категория позора, релевантная лишь в рамках деревни, где члены общины были связаны тесными соседскими отношениями, расценивалась в основном в отношении своих воров мелкого и среднего «калибра», нарушавших принцип неприкосновенности собственности на территории деревни.

8. Важным аспектом являются взаимоотношения профессиональных воров с односельчанами, которые выстраивались в рамках двух моделей: если вор соблюдал принцип неприкосновенности в отношении собственности односельчан, то действовала модель невмешательства либо взаимовыгодного сотрудничества; если он нарушал этот принцип, то модель взаимоотношений вора с односельчанами была основана на страхе и базировалась на принципе «власть–подчинение». Поскольку в рамках данной модели воры стремились регламентировать отношения с крестьянами, вследствие чего крестьяне могли сократить свои убытки, то такие взаимоотношения крестьяне зачастую предпочитали открытому конфликту.

9. В случае систематических и крупных краж, совершаемых как своими, так и чужими ворами, наиболее эффективной мерой считался самосуд. Поскольку контролировать вора на чужой территории крестьяне не могли, а жители деревни, к которой вор принадлежал, не хотели, опасаясь мести с его стороны либо желая получить выгоду, то самосуд автоматически становился чуть ли не единственным способом устранить опасность. Фактором, инициирующим коллективный самосуд, служило накопление критической массы страха и ненависти в результате длительного терроризирования населения воров. Этот страх подпитывался представлениями о связи воров с нечистой силой, вследствие чего крестьяне при расправе с ними могли использовать средства, лишаящие вора магической силы, подобные применяемым при расправе с колдунами и разбойниками.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использовать основные положения и выводы при изучении обычно-правового сознания и механизмов, связанных с урегулированием конфликтов, и при исследовании достаточно актуальной для современной действительности проблемы правового нигилизма.

Основные положения и результаты исследования могут использоваться при подготовке общих и специальных курсов по этнографии народов России, культурной антропологии, истории России. Некоторые положения диссертации были использованы автором при чтении курса этнологии и курсов по выбору «Основные категории традиционной культуры и их севернорусские вариации» и «Обычное право российских крестьян (вторая половина XIX–начало XX в.)» в Карельской государственной педагогической академии и Петрозаводском государственном университете.

Степень достоверности и апробация полученных результатов. Достоверность результатов и обоснованность выводов диссертационного исследования определяется достаточно полной проработкой привлекаемой литературы, репрезентативным характером

использованных источников, а также применением корректных методов и подходов, включающих принцип междисциплинарности, важнейшие методологические установки антропологии права, дескриптивный метод, метод исторической реконструкции, семиотический и этнолингвистический подходы.

Основные положения работы были представлены в виде докладов на научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов историко-филологического факультета Карельского государственного педагогического университета, посвященной 75-летию образования вуза (Петрозаводск, 10–18 апреля 2006 г.), международной научной конференции «Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте» (Москва, 20–22 апреля 2006 г.), 6-й межвузовской научной конференции «“Свое” и “чужое” в культуре народов Европейского Севера» (Петрозаводск, 22–23 марта 2007 г.), научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов историко-филологического факультета Карельского государственного педагогического университета, посвященной Году русского языка в России (Петрозаводск, 10–13 апреля 2007 г.), международной научной конференции «Язык и культура», посвященной 70-летию Л. В. Савельевой (Петрозаводск, 23–26 октября 2007 г.), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.), XI Конгрессе антропологов и этнологов России «Контакты и взаимодействие культур» (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.), VII всероссийской научной конференции по традиционной культуре Русского Севера «Рябининские чтения – 2015» (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015 г.), IV республиканской научной конференции «Православие в Карелии», посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (Петрозаводск, 25–26 ноября 2015 г.), научно-практической конференции «1917–2017 гг.: уроки столетия для Карелии» (Петрозаводск, 24 ноября 2016 г.), XI Международной научной конференции «“Свое” и “чужое” в культуре = “Our” and “Alien” in Culture» (Петрозаводск, 22–24 июня 2017 г.).

Фрагменты диссертационной работы обсуждались на исследовательских семинарах факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2002–2004 гг.).

Основные положения работы отражены в 15 научных публикациях, 4 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна и практическая значимость работы, определяются предмет и объект, хронологические и территориальные рамки исследования, сформулированы цель и задачи, изложены теоретико-методологические основы диссертации, характеризуются используемые источники и степень изученности темы.

В **первой главе** «Воровство в крестьянской культуре: общая характеристика явления и его осмысление в контексте крестьянских религиозно-этических представлений» рассматриваются основные аспекты восприятия воровства в крестьянской культуре.

В параграфе 1.1 систематизируются и уточняются взгляды исследователей, в фокусе внимания которых находилось родовое по отношению к краже понятие преступления. Так, крестьяне понимали преступление как греховное деяние, личную обиду и несчастье, что характерно и для кражи, которая рассматривалась также как позорное деяние и разновидность магического ремесла.

В параграфе 1.2 основное внимание уделяется рассмотрению сложившегося стереотипа о тотальном характере и неискоренимости воровства. Можно предположить, что гиперболизация исследуемого феномена обусловлена многозначностью самого слова «воровство», а также связана с присущим крестьянскому сознанию ощущением социальной несправедливости и «обделенности». Механизм гиперболизации масштабов данного преступления можно рассматривать в диахронии как вневременной. Однако в рамках определенного временного промежутка в народном сознании нередко срабатывает универсальная оппозиция «прошлое / настоящее», где прошлое ассоциируется практически с отсутствием краж, а настоящее представляется временем разгула воровства, при этом распространенность данного преступления связывается, прежде всего, с разрушением патриархальных традиций и устоев.

Параграф 1.3 посвящен детальному рассмотрению представлений, связанных с осмыслением исследуемого феномена в его соотнесенности с концептом греха. В пункте 1.3.1 отмечается, что существовала своеобразная иерархия различных видов хищений в зависимости от степени греховности, и намечаются с опорой на тексты легенд крайние точки шкалы. Выявлено, что наиболее греховной считалась кража церковного имущества, осмысляемая как воровство у Бога, а воровство, совершенное во благо, во спасение Христа осмыслялось позитивно. Таким образом, восприятие воровства характеризуется отказом от абсолютизации полярности и существованием в крестьянской культуре амбивалентного отношения к краже.

В пункте 1.3.2 рассматриваются представления о роли Бога и дьявола в перераспределении материальных ресурсов и связанное с этими представлениями отношение крестьян к богатству и воровству. Перераспределение земных благ осмысливается как одна из важнейших функций Бога. Дьявольские силы в этом процессе являются субъектом нелегитимных действий, а воровство расценивается как метод недозволенный и санкционированный дьяволом. Эти представления перекликаются и с амбивалентным отношением к богатству, которое может иметь Божью природу, если материальный достаток достигнут праведными средствами и с санкции Бога, а может иметь дьявольское происхождение, если обогащение достигнуто посредством греховных поступков и при поддержке нечистой силы.

Пункт 1.3.3 посвящен рассмотрению представлений о воровстве как занятии, не приносящем стабильной прибыли и богатства, невыгодном, бесполезном и опасном. Так, среди крестьян были широко распространены представления, что, совершая кражу, вор либо не достигает желаемого результата – обогащения, либо наносит вред своему имуществу, заработанному честным путем, и может даже погубить себя. Тексты, отражающие подобные представления, могут включать мотивы наказания Божьего, причем орудием наказания могут выступать украденные предметы.

В пункте 1.3.4 рассматриваются представления, согласно которым многие несчастья, произошедшие с людьми, в том числе и кража, считались следствием совершенного ими проступка или преступления. Это позволяет говорить о том, что образ жертвы в диахроническом аспекте соотносится с идеей греха, кража становится Божьим наказанием за совершенный проступок или преступление, а преступник выступает своеобразным орудием наказания, предусмотренного Божьим промыслом.

В пункте 1.3.5 на основе языковых, фольклорных и этнографических данных выявляется корреляция воровства с другими грехами, прежде всего, с ложью и распутством. Рассматривается связь этих грехов на этимологическом уровне, подтверждающаяся семантически реализацией в соответствующих лексемах идеи кривизны, изгиба, отклонения от прямого пути, в частности, в поведении человека. Соотнесенность воровства с распутством и ложным обвинением прослеживается и на уровне репрессивных практик. На основе анализа паремий выделяются признаки, объединяющие эти поступки.

В пункте 1.3.6 в фокусе исследования находятся представления о Божьем суде как высшей инстанции, на которую возлагаются основные репрессивные функции, и обычно-правовая практика Божьего суда, в частности, ритуал присяги, применяемый при отсутствии

или недостаточности других доказательств. На материале паремий прослеживается противопоставление суда человеческого и суда Божьего. Выявляется специфика клятв в делах о воровстве и сходство некоторых ритуалов с уже вышедшими из употребления средневековыми ордалиями. Делается вывод о том, что применение данной обычно-правовой практики способствовало нейтрализации конфликта, так как потерпевший получал своего рода гарантию того, что в случае ложной присяги наказание со стороны божественных сил должно неизбежно постигнуть лжеца.

В пункте 1.3.7 систематизированы представления, касающиеся различных видов наказания Божьего за воровство, выявляется специфика загробных и прижизненных наказаний, большинство из которых представляет наказание в виде преступления. В связи с прижизненными наказаниями отмечается значимость категории коллективной ответственности в крестьянском правосознании. Загробные наказания предполагают физическое воздействие на грешника, а прижизненные делятся на две группы: одни наказания носят конкретный физический характер, другие оказывают влияние на имущественный статус вора. Некоторые элементы загробных наказаний соотносимы с реальной обычно-правовой практикой. Среди загробных наказаний можно выделить наказания, заключающиеся в поражении непосредственно тех частей тела, которыми было совершено преступление, и наказания, изображающие контакт вора с украденной вещью, которая как изобличает вора, так и является своеобразным орудием возмездия.

Во **второй главе** «Мифологизация образа вора. Воровство и сфера магического» предметом анализа являются тексты, репрезентирующие воровство как один из видов магического ремесла, и рассматриваются магические средства, применяемые жертвами краж.

В параграфе 2.1 фигура вора сопоставляется с типологически близкими образами колдуна, разбойника и специалистов-профессионалов на основе представлений об их взаимоотношениях с нечистой силой, приписываемых им сверхъестественных способностей и их статуса чужака. Отмечается, что объем функций вора и сфера их проявления сопоставимы с деятельностью профессионалов, а близость образов колдуна, вора и разбойника определяют еще и представления о возможности обогащения посредством магии.

Параграф 2.2 посвящен рассмотрению представлений о взаимоотношениях воров с нечистой силой. Эти представления обуславливали амбивалентное в плане внутреннего и внешнего выражения отношение к ворам, а также побуждали крестьян при расправе с ними использовать те же средства, что и при расправе с колдунами и разбойниками. Представители нечистой силы могли выступать в роли подстрекателей или помощников вора, а отношения с

ними мыслились как договорно-обменные, как и в случае с колдунами, разбойниками и деревенскими специалистами.

При этом профессиональному вору, несмотря на помощь нечистой силы, все же приходилось совершать кражи самому, в то время как колдун мог обогащаться за счет краж, совершаемых в его пользу нечистой силой.

В параграфе 2.3 рассмотрены представления, связывающие пристрастие к воровству с идеей предопределенности судьбы, в частности, со временем рождения ребенка и погодой во время родов, а также с нарушением существовавших в традиции запретов (сексуальных табу, характерных для поминальных и постных дней и канунов праздников, а также запретов, регламентирующих поведение беременной и правила обращения с ребенком). Кроме того, склонность к воровству зачастую объяснялась также и тем, что в младенчестве ребенок был подменен нечистой силой.

Параграф 2.4 посвящен рассмотрению представлений о сверхъестественных способностях воров, таких как способность скрадывать месяц и способность к оборотничеству, сближающих фигуру вора с другими типологически сходными мифологическими персонажами, а также способность нейтрализовать собак и неуловимость вора, приобретаемая в результате *заворовывания*. Целью данного магического действия было продуцирование удачи на строго фиксированный период – весь следующий год. Материальная ценность вещи при этом не имела значения, главное – остаться незамеченным при совершении кражи (иногда даже сам факт кражи был необязательным). Украденные вещи затем могли возвращаться хозяину.

В параграфе 2.5 систематизированы и описаны представления о предметах, являющихсяместилищем магической силы и выполняющих функции, актуальные для воровского промысла. На основании рассмотренных материалов были выделены следующие группы предметов: 1) растения; 2) части тела или субстанции (изготовленные из них предметы) умерщвленного либо мертвого человека (эмбриона или плода человека) либо животного; 3) прочие предметы – объекты живой и неживой природы и некоторые культурные артефакты. Функционально эти предметы обеспечивали преодоление реальной преграды, невидимость, неуловимость, нейтрализацию хозяев и собак, способность быть неслышимым, невозможность разоблачения вора и в целом успех в краже, причем некоторые предметы были полифункциональными. Отмечается, что магические атрибуты, составляющие вторую группу, а также предметы из третьей группы, имевшие отношение к покойнику, наиболее устойчиво соотносятся с образом вора. В данном параграфе рассматриваются также способы

приобретения магических атрибутов, пространственно-временные параметры ритуальных действий, связанных с их получением, и использование этих предметов при совершении кражи.

В параграфе 2.6 рассмотрены образы святых, специализирующихся на помощи вора, выбор которых объясняется тем, что украденная собственность мыслится как принадлежащая святому, а также представлениями о нем как о проводнике в иной мир, покровителе богатства, торговли и путешествий. Здесь же анализируются заговоры, обеспечивающие удачу в воровском промысле, в частности, традиционные заговоры «в дорогу», позволяющие провести параллель между процессом совершения воровства и преодоления преград в пути. Отмечается, что метафора пути и путника, со всех сторон защищенного от опасности, является весьма продуктивной при совершении воровства. Прагматика воровских заговоров была направлена также на нейтрализацию жертв воровства и собак.

В параграфе 2.7 рассматриваются магические средства, применяемые для защиты от воров, их нейтрализации и поимки. При систематизации материала использовалась классификация апотропеических ситуаций, предложенная Е. Е. Левкиевской. Среди оберегов особую актуальность имеют магические приемы и тексты со значением окружения, преграждения, нанесения удара, уничтожения, нейтрализации, отгона и замещения опасности; единичные тексты связаны с моделями апотропеизации и укрывания. Очень часто, особенно в вербальных текстах, семантические модели сочетаются. Большинство магических приемов и текстов способствуют предотвращению кражи, однако встречаются приемы, направленные на нейтрализацию и поимку вора, попытавшегося совершить кражу. Для этой цели создавалась символическая граница, непреступная с внутренней стороны. Отмечается также обилие текстов, связанных со значением неподвижности либо ограниченности в передвижениях. Так, вор мог уподобляться либо покойнику, не имеющему способности передвигаться или видеть, либо он или части его тела уподобляются объекту неживой природы, также лишенному этих способностей.

Параграф 2.8 посвящен символике вещей снов, примет и гаданий, предсказывающих кражу. Среди символов преобладают зооморфные образы, причем при интерпретации важна не только символика животного, но и действие, которое оно совершает. Особую роль играет значение пересечения, нарушения границы. Ряд зооморфных символов объединяет общий смысловой компонент нечистоты, способность некоторых животных выступать в роли предвестников, выполнение животными функции домашних покровителей, их склонность к воровству и т. д. Для антропоморфных образов актуально значение чужести, а также лишения, убытка, опустошения; последнее свойственно и для пожара как символа кражи. В большинстве

случаев толкование строится на принципе уподобления. Образ молящегося человека является единственным примером символа, интерпретация которого основана на принципе противопоставления.

В параграфе 2.9 рассматриваются магические средства, направленные на идентификацию вора и поиск украденного, такие как гадания с использованием решета, Псалтири и ключа, гадания на воде и гадания посредством вызывания вещего сна. Отмечается, что некоторые обряды на предметном и акциональном уровне, а также по составу участников сближаются с обычно-правовым ритуалом клятвы. Помочь распознать вора, выявить склонность человека к воровству или факты краж, могли различные животные и насекомые, что связано с их символикой. Кроме того, выдавали в человеке вора особенности внешности и поведения.

Параграф 2.10 посвящен рассмотрению образов святых, оказывающих помощь жертвам кражи. Отмечается, что выбор может быть обусловлен семантикой имени святого, соответствующими мотивами, содержащимися в житийных текстах, иконографии и молитвах, обращенных к святому: мотивом обличения воровства и открытия *татьбы*, мотивом обхода святым земли как способа создания символической границы для защиты имущества и мотивом заступничества от обидчика и избавления от «напасти», а также тем, что святой выступает в качестве покровителя объекта кражи. Особое внимание уделяется феномену двунаправленности функций святых, считавшихся покровителями как воров, так и потерпевших от кражи.

В параграфе 2.11 рассматриваются магические способы наказания вора и возвращения украденного. При контагиозной магии воздействию подвергались остатки украденной вещи, следы, оставленные вором и т. д. В симпатической магии использовались нечистые животные, символически связанные с мотивом кражи; предметы, являющиеся символами жизни, судьбы; предметы, соотносимые или соприкасавшиеся с миром смерти и т. д. Рассматриваются разнообразные способы физического воздействия на предметы, используемые при совершении магических манипуляций; отмечается, что наиболее распространенным способом воздействия было воздействие огня (жара, дыма). Кроме того, используемые способы магических наказаний демонстрируют еще и актуальность символики и атрибутики смерти. В рамках данного параграфа описываются также пространственно-временные характеристики и состав участников ритуально-магических действий.

В третьей главе «Воровство и тайное хищение собственности: общие контуры дифференциации поступков. Разновидности бытовых краж» делается попытка определить те виды тайного хищения собственности, которые, согласно обычно-правовым представлениям, не

относились к категории воровства, а также характеризуются основные виды бытовых краж. В параграфе 3.1 отмечается, что кража занимала промежуточное положение в ряду других преступлений против собственности: отношение к воровству было более лояльным, чем к грабежу и особенно разбою, но менее лояльным, чем к мошенничеству.

Параграф 3.2 посвящен рассмотрению основных параметров классификации краж и факторов, влияющих на отношение к краже. В пункте 3.2.1 вводится понятие квалифицированной и привилегированной кражи. В пункте 3.2.2 характеризуются кражи, выделенные на основе таких параметров, как место, время и способ совершения преступления. Отмечается, что различная оценка обстоятельств совершения кражи могла быть обусловлена существованием локальных вариантов обычного права, а в некоторых случаях влиянием официального законодательства, особо ощутимым на уровне волостной юстиции. В пункте 3.2.3 выделяются и описываются виды тайного хищения собственности в зависимости от цели и последствий поступка. Отмечается, что только хищения, единственной целью которых является получение материальной выгоды, однозначно относятся к категории воровства. В пунктах 3.2.4 и 3.2.5 рассматриваются основные характеристики похитителя и потерпевшего, повлиявшие на восприятие и оценку кражи, а также кражи, жертвами которых выступали все члены деревенского сообщества, и случаи хищения государственной собственности, в частности, порубки в казенном лесу, не относившиеся, с точки зрения крестьян, к категории воровства.

В пункте 3.2.6 рассматривается влияние на восприятие кражи имущественной ценности украденного и особого отношения к объекту кражи. Отмечается, что в случае с конокрадством тяжесть преступления была обусловлена, прежде всего, неразрывной связью лошади с крестьянским хозяйством: эти объекты, по сути, относились к категории «неразложимого целого». Особое отношение к святотатству и краже меда и пчел объясняется символической значимостью данных объектов в крестьянской культуре. На восприятие лесных порубок и хищений из садов, с полей и огородов оказывал влияние принцип трудового начала, но представление о том, что лес – дар Божий, не распространялось на крестьянские леса, порубка в которых могла расцениваться как воровство.

Параграф 3.3 посвящен рассмотрению основных видов хищений, выделенных на основании такого параметра, как взаимоотношения между участниками конфликтного взаимодействия. В пункте 3.3.1 характеризуются хищения в рамках семьи.

В пункте 3.3.1а уделяется внимание категории личной и семейной собственности и мерам, обеспечивающим ее сохранность. В пункте 3.3.1б вводится понятие семейной кражи в официальном законодательстве, рассматривается специфика хищений в рамках семьи в

крестьянском быту, их основные цели и отношение к семейным хищениям на уровне семьи и общины. Отмечается, что кража личной собственности, как правило, считалась воровством, а статус присвоения семейной собственности был достаточно неопределенным, что обусловлено изменением отношения крестьян к вопросам семьи и собственности в связи с постепенным разрушением большой патриархальной семьи. Часть семейных хищений все же соотносилась с категорией позора, при этом при разглашении информации мог быть нанесен ущерб не только индивидуальной, но и семейной, а также родовой репутации.

Пункт 3.3.1в посвящен рассмотрению специфики наказаний, применяемых в случае семейных хищений. Отмечается, что первой и по возможности последней инстанцией при разборе подобных дел признавался семейный суд, а право наказывать всех членов семьи отводилось обычно *большаку*. Наиболее распространенными в семейном быту были домашние побои. Специфическим наказанием для хозяйки было лишение *квашни*, т. е. права распоряжаться женскими работами в крестьянском хозяйстве. Вмешательство общества требовалось, когда семья была не в состоянии разрешить конфликт собственными силами, например, в случае краж, совершаемых *большаком*, особенно если они наносили ущерб хозяйству, вследствие чего семья оказывалась неспособной исправно платить подати. Специфическим наказанием в данном случае была передача *большины* другому члену семьи либо установление опеки схода. Отмечается, что в ситуациях, когда общество вмешивалось в конфликт и приговаривало похитителя к наказаниям, подобные хищения расценивались как воровство; в принципе, само по себе публичное оглашение поступка влияло на его статус и репутацию похитителя.

Пункт 3.3.2 посвящен рассмотрению соседских и междеревенских хищений. В пункте 3.3.2а уделяется внимание особенностям восприятия соседских и междеревенских хищений, специфике деревенских взаимоотношений, рассматриваемых сквозь призму воровства, а также категории позора в контексте представлений о воровстве. Отмечается, что деревенская община блюла права собственности в основном на своей территории, причем в некоторых случаях дополнительным источником доходов жителей деревни становилась скупка краденого на стороне, что свидетельствует о прагматизме крестьян и показывает, что морально-этические нормы в случае с присвоением собственности имели некую локальную приуроченность. Преступник мог опозорить себя, свою семью, свою деревню, однако нанести урон деревенской репутации могло лишь воровство у односельчан или любые кражи, совершенные на территории деревни. В рамках данного параграфа рассматриваются также основные модели взаимоотношений с профессиональными ворами, выстраивающиеся по принципу нормативных и выполняющие функцию поддержания социальной стабильности.

В пункте 3.3.2б рассматривается специфика наказаний и мер негативного характера, применяемых в случае соседских и междеревенских хищений. Отмечается, что в случае совершения соседских краж в деревенском сообществе существовал целый арсенал мер, направленных на отчуждение и социальную изоляцию вора. Предпочтительность наказаний как для преступника, так и для общества зависела от материальной составляющей наказания и его соотнесенности с категорией позора. Применение наказаний, связанных с категорией позора, было эффективным инструментом воздействия в отношении воров мелкого и среднего «калибра», покушавшихся на собственность односельчан, а в отношении крупных воров единственным эффективным средством в ситуации бездействия властей становился самосуд. Специфической чертой обычного права было и существование категории семейной ответственности за совершенное преступление. Ответственность, как и позор, мыслилась разделенной на всех членов семьи, что соответствует представлениям о наказании Божьем, которое может обрушиться не только на самого вора, но и на его родственников и потомков.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Итак, кража в крестьянской культуре считалась личной обидой, несчастьем, разновидностью магического ремесла, ассоциировалась с категориями греха и позора.

Достаточно интересным аспектом оказалось рассмотрение представлений о тотальном и неискоренимом характере воровства. Выявлено, что функции подобных рассуждений заключаются в объяснении личной «обделенности» и общей социальной неустроенности и беспорядка, а также в легитимизации собственного проступка, не получающего в данном случае в оценках носителей традиции наименования воровства, соотносящегося с категорией позора, поскольку участие в таком «перераспределении» имущества оправдывается стремлением восстановить социальную справедливость.

В какой-то степени подобное лояльное отношение к воровству подпитывается характерной для народных представлений размытостью ценностных установок. Каждый конкретный случай тайного хищения, судя по описаниям обычно-правовых представлений и фольклорным текстам, прежде всего, легендам, для которых релевантна категория греха, можно разместить на аксиологической шкале. Крайние точки этой шкалы будут маркированы высшей степенью греховности с одной стороны и абсолютной безгрешностью, а в фольклорных текстах даже высшей степенью праведности – с другой. По сути, такие безгрешные поступки выводятся за рамки категории воровства. Об амбивалентном отношении крестьян к воровству свидетельствует и тот факт, что кража – один из универсальных приемов, использующихся в разнообразных ритуалах охранительного и продуцирующего характера.

Если оценка конкретного факта кражи зависит от целого комплекса обстоятельств, то при восприятии воровства как такового в отвлечении от конкретики оно, как правило, будет расцениваться как грех, инициированный дьяволом и нарушающий заповедь Божью, а потому неминуемо наказуемый Богом если не при жизни преступника, то после его смерти. О значимости категории коллективной ответственности в крестьянском правосознании свидетельствует тот факт, что субъектами прижизненного Божьего наказания может выступать семья преступника, род и даже община. На обычно-правовом уровне категория семейной ответственности проявляется в существовании заместительных наказаний. Особый интерес вызывает тот факт, что категория греха соотносима не только с образом преступника, но и с образом жертвы. Это позволяет говорить как о своеобразной синонимичности преступления и наказания, так и о кумулятивности греха.

Отдельным аспектом исследования стало рассмотрение соотношения воровства и сферы магического. Анализ материалов показал, что образ профессионального вора чрезвычайно подвержен мифологизации, а бытовая кража – в высшей степени ритуализованное явление. Высокая степень мифологизации во многом обусловлена тем обстоятельством, что концепты «колдовство» и «воровство» тесно связаны как аксиологически, так и на уровне магических действий, направленных на поиск виновника и его наказание. Значимыми факторами, способствующими мифотворчеству, можно считать атмосферу страха, нагнетаемую систематическими кражами и угрозами вора, а также специфику воровского ремесла, часто окруженного для крестьян-обывателей завесой тайны. При этом подразумевается, что сверхъестественные способности вор приобретает, вступив в контакт с нечистой силой, и это представление во многом обуславливает амбивалентное в плане внутреннего и внешнего выражения отношение к ворам.

При рассмотрении магических средств, применяемых как ворами, так и потерпевшими, обращает на себя внимание обилие приемов, текстов и атрибутов, связанных с символикой смерти и потусторонним миром. Актуализуются при этом разные аспекты: для воров актуальна символика сна–смерти и связь смерти с невидимостью и категорией границы, перехода, а для жертв кражи – семантика неподвижности и способность оказывать деструктивное воздействие на вора. Деструктивный характер при магических манипуляциях, направленных на наказание вора и возвращение украденного, носило и воздействие тоски и совести.

Отдельным аспектом исследования является соотношение воровства и сферы народного православия. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые святые помогали как потерпевшим от кражи, так и ворам. Подобный феномен, по мнению К. Уоткинса, можно

объяснить принципом реципрокности. Помимо этого, прояснить феномен двунаправленности помогают и представления о краже как каре Божьей: именно поэтому святые оказывают помощь не только жертве, но и преступнику, являющемуся орудием осуществления Божественной воли.

Спецификой обычного права является наличие целого ряда хищений, которые не расценивались крестьянами как воровство. При оценке таких краж важную роль играли разделяемые крестьянами принципы уравнительной этики и трудового начала, а также представления о совершении действий под влиянием потусторонних сил. Тем не менее, в большинстве случаев желательно было остаться непоиманным, поскольку доказательство факта хищения могло нанести ущерб репутации похитителя.

Специфическим было и отношение крестьян к различным видам собственности. Личная собственность как категория, не имевшая широкого распространения в крестьянской среде, считалась неприкосновенной, а покушение на семейную собственность расценивалось зачастую как перераспределение имущества, являясь механизмом осуществления официально нежелательного, но воспринимаемого как естественный процесса дробления больших семей. Иное отношение наблюдалось в случае кражи общинной собственности, которая наказывалась достаточно строго.

Еще одной категорией, нашедшей отражение в правовых воззрениях крестьян, является собственность «Божья». Она реализуется в православном сознании в двух основных вариантах. С одной стороны, как принадлежащее Богу и потому неприкосновенное мыслилось имущество церкви. С другой стороны, «Божьей» признавалась земля, дары которой, если к ним не был приложен труд, расценивались как дары Творца людям. Получается, что понятие воровства было к ним неприменимо. Это справедливо с одной оговоркой: порубки в крестьянских лесах могли расцениваться как кража и влекли за собой обычно-правовые санкции.

При изучении семейных, соседских и междеревенских хищений была выявлена разница в их восприятии и способах разрешения конфликта. Так, в случае семейных и междеревенских хищений отношение к фактам подобного рода со стороны общества было довольно лояльным, поскольку они не затрагивали интересы односельчан. Что касается разрешения сложившейся в результате совершенного хищения конфликтной ситуации, то в первом случае оно достигалось, как правило, в рамках семьи, а во втором – за рамками деревенского сообщества. При этом важно отметить, что восприятие таких хищений могло быть разным на разных уровнях: так, семейное хищение болезненно воспринималось в рамках семьи, а междеревенское вызывало негативную реакцию страдающих от воровства жителей соседних деревень. Необходимо

отметить также, что одной из функций хищений могла быть регуляция семейных и деревенских взаимоотношений.

Одним из важнейших элементов, влиявших на восприятие различных видов хищений и на отношение к наказаниям, была категория позора. Так, семейные хищения и воровство за пределами общины считались в большей степени делом частным, способным нанести урон лишь репутации преступника и его семьи, в то время как соседские кражи, а также любые кражи, совершенные на территории деревни, способны были опорочить общину в целом. Этот уровень конфликтных взаимодействий, влиявших на репутацию общины, прежде всего, и контролировался деревенским сообществом за исключением случаев, когда власть вора превышала власть членов общины над ним.

Весьма своеобразно варьируется и отношение к вора в зависимости от их статуса. Так, своих воров мелкого и среднего «калибра» обычно презирали и высмеивали, как правило, по отношению к ним применялись наказания и меры негативного характера, соотносимые с категорией позора и направленные на их изоляцию. Крупного и авторитетного в своей среде вора опасались, но именно накопление критической массы страха и ненависти служило фактором, инициирующим коллективный самосуд. Однако такой вор, если он не покушался на имущество односельчан либо выстраивал взаимоотношения с ними по модели нормативных, зачастую мог восприниматься отнюдь не как изгой, а как чрезвычайно полезный в некоторых ситуациях член деревенского сообщества. Отмечается также, что само по себе выстраивание подобных отношений свидетельствует о прагматизме крестьян и об ориентации на достижение компромисса, обеспечивающего социальную стабильность, которую крестьяне предпочитали открытому конфликту.

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

- в рецензируемых изданиях, включенных в список ВАК РФ:
- 1. Проблема греховности воровства в традиционной культуре России (середина XIX–начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. №2. С. 32–38 (0,4 а.л.).
- 2. Воровство как тотальное зло: реальность и миф // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. №7(144). С. 25–30 (0,6 а.л.).
- 3. Обращение за помощью к святым в контексте воровства (по восточнославянским материалам середины XIX – начала XX в.) // Ученые записки Петрозаводского

- государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2015. №7(152). С. 21–25 (0,6 а.л.).
4. Магические атрибуты вора: обеспечение невидимости (по материалам крестьянской культуры второй половины XIX – начала XX в.) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. №1. С. 127–138 (1,1 а.л.).
 - в других изданиях:
 5. Семейное воровство в контексте обычного права (середина XIX – начало XX в.) // История – язык – литература. Сборник научных статей историко-филологического факультета. Вып. 1. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2006. С. 5–9 (0,2 а.л.).
 6. К проблеме типологии воровства как одного из типов конфликтного взаимодействия // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте. Тезисы международной научной конференции. М.: Издательский центр РГГУ, 2006. С. 252–254 (0,1 а.л.).
 7. Оппозиция «свой / чужой» в социальном контексте деревенского воровства (по материалам середины XIX– начала XX в.) // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Материалы 6-й межвузовской научной конференции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. С. 72–74 (0,1 а.л.).
 8. Воровство в традиционной культуре: опыт этнолингвистического анализа // Язык и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Л. В. Савельевой. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2007. С. 261–264 (0,25 а.л.).
 9. Некоторые аспекты восприятия и осмысления воровства в традиционной культуре: воровство и сфера магического (середина XIX – начало XX в.) // Филологические и исторические исследования в высшей школе. Сборник научных статей историко-филологического факультета. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2007. С. 105–115 (0,4 а.л.).
 10. Восприятие воровства как одного из видов черной магии в традиционной культуре восточных славян (по материалам середины XIX – начала XX в.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2008. С. 3–15 (0,8 а.л.).
 11. Воровство как феномен российской традиционной культуры (по материалам середины XIX – начала XX в.) // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 361 (0,03 а.л.).
 12. Символика вещей снов, примет и гаданий, предсказывающих кражу // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом. Вып. 2. Сборник научных трудов

- по итогам международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2015. С. 29–32 (0,3 а.л.).
13. Представление о святотатстве в крестьянской культуре // Православие в Карелии. Материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. С. 123–128 (0,3 а.л.).
14. Мотив воровства в преданиях и присловьях // Инновационные направления в науке, технике, образовании. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Смоленск: НОВАЛЕНСО. С. 107–109 (0,2 а.л.).
15. Представления о загробных наказаниях за воровство в крестьянской культуре // 1917 – 2017 гг.: уроки столетия для Карелии. Материалы научно-практической конференции / под ред. А. М. Пашкова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 62–72 (0,5 а.л.).